

основными действующими лицами на исторической сцене, когда появился Бэкон. Не будучи простыми копиями старых картин, эти портреты несут на себе черты слишком новые, чтобы быть сходными: чувствуется вмешательство кисти свободной и дерзкой, которая по своей воле урезывает, добавляет и даже исправляет прошлое.²⁰ Рецензент порицал английского писателя за вольномыслие, выражая наивное сожаление, что французский переводчик не прибавил своих рассуждений, которые могли бы служить противоядием заразе, «идущей из Англии» (он, очевидно, и не подозревал, что самые смелые места в книге принадлежат именно французскому переводчику). «Большая часть английских пассажей может только скандализировать истинных французов как добрых христиан», — писал «Journal des sçavans».²¹ Рецензент уловил современные намеки в рассуждениях автора об атмосфере лести, продажности и лицемерия при дворе Якова.²²

Достаточно было прочесть эти рецензии, чтобы понять оппозиционный политический характер книги о Бэконе.

Таким образом, Тредиаковский ясно представил себе, какое значение имела эта книга для французских просветителей, каков был второй, современный ее смысл, какую роль играли общие философские рассуждения для политической «злости дня». И оружие французских просветителей Тредиаковский сознательно использовал для пропаганды оппозиционных воззрений, учитывая тенденциозное политическое звучание книги в русских условиях. Конечно, не все сказанное в книге Бэконом — Делейром или Моллетом — Делейром совпадало со взглядами Тредиаковского. Да и вообще нужно быть осторожным, порицая или хваля переводчика за то, в чем, строго говоря, повинен лишь автор. Но в отношении Тредиаковского мы имеем дело с особым случаем.

Тредиаковский относился к работе переводчика как к определенному виду творческой деятельности. В «Предуведомлении» к переводу первого тома «Римской истории», работа над которым шла одновременно с книгой о Бэконе, он писал: «Приходит на мысль, не возревновал бы кто, в уничижение мне, что видит от меня больше переводов, нежели собственных сочинений. Но такому и подобным всем, почтенно в предварительный ответ доношу, что во мне знатно более способности, буде есть некоторая, мыслить чужим разумом, нежели своим».²³

За это чистосердечное признание Тредиаковский более достоин уважения, нежели насмешки или укора. В своих переводных тру-

²⁰ «Journal des sçavans», 1756, Janvier, p. 246.

²¹ Там же, стр. 247.

²² Там же, стр. 252.

²³ «Римская история от создания Рима до битвы Актийския . . . сочиненная г. Ролленом. . .», т. I. СПб., 1761, Предуведомление, стр. Л.